

РУССКИЙ КОМПОЗИТОР ВДАЛИ ОТ ДОМА

В Италии только что вышла в свет книга о неизвестном русском музыканте Наталии Правосудович. Самой книги в России пока нет, но благодаря любезности коллег мы имеем возможность представить читателям в сокращении одну из входящих в нее статей. Надеемся, что впоследствии станет возможным или полный перевод книги на русский язык, или развернутая публикация ее материалов, в числе которых и воспоминания самой Правосудович, и аналитический очерк ее музыкального творчества.

Исследователям чужих судеб часто предстоит воссоздавать биографии на основе разрозненных и малоинформативных статей, почти неразборчивых писем и сухих бюрократических документов, обрывочных воспоминаний родных и близких.

Таков и случай Наталии Михайловны Правосудович, выдающегося европейского композитора XX века и непосредственного свидетеля трагедий ушедшего столетия.

Нельзя сказать, чтобы ее биография была совсем уж неизвестна: Правосудович кратко упоминается в нескольких словарях, журналах и книгах. Кроме того, на склоне лет она выслала ряд своих архивных материалов Александру Солженицыну, собиравшему тогда документы о русской эмиграции. И все же мы впервые приступаем к жизнеописанию покойного музыканта, стараясь как можно полнее воссоздать ее сложный земной путь.

Наталия Правосудович родилась в самом конце XIX века, 14 августа 1899 года, в Вильне, современной столице независимой Литвы, а тогда — окраины Российского империи. Семья Правосудович по своей культуре и вере принадлежала к русскому народу.

Дедушка Наталии, Елевферий Правосудович, был военным врачом и согласно строгим правилам этой профессии часто перемещался по стране. Его жена, Елена Катенаци, согласно семейным преданиям была итальянского происхождения. Выполняя свой долг, Елевферий заразился тифом и скончался сравнительно молодым. Его сын Михаил, родившийся в 1865 году в Крыму, как и многие юноши той эпохи, отправился за образованием в столицу и стал инженером-путейцем. В Петербурге Михаил Правосудович познакомился с Натальей Александровной Горской, юной дворянкой, получившей музыкальное образование в Петербургской консерватории.

Наша героиня росла в обеспеченной семье, училась музыке у матери. Ее брат Дмитрий, как и отец, любил технику и стал впоследствии инженером-путейцем, университетским преподавателем, а также автором изобретений в области конструкции паровозов и фундаментальных трудов по расчёту паровозных поворотных кругов, деталей паровозов, ремонту и прочему. Сестры Наталия и Татьяна с детства тяготели к артистическому миру: одна стала профессиональным музыкантом, другая — профессиональным художником.

Переломным моментом для семьи Правосудович явилась революция 1917 года. О тяготах тех лет композитор позднее расскажет в своей заметке, посвященной семье Скрябиных. Годом, реквизиции, "национализация" усадьбы, разоренный Петроград, ставший вскоре Ленинградом, красный террор, поразивший представителей "старого режима"... Именно как бывший царский специалист был арестован отец Наталии, впрочем, скоро вышедший на свободу. Она поступила в Петроград-

скую консерваторию по классу композиции в 1918 году, когда ее возглавлял великий русский композитор Александр Глазунов, а закончила в 1925-м. Мать Наталии представила свою дочь не только Глазунову, но и Вере Скрябиной, жене другого великого композитора. Юная Туля стала брать у нее уроки, быстро привязавшись к Скрябиной и подружившись с ее дочерью.

Отец Наталии считал себя возможным сотрудничать с новой властью и продолжал университетское преподавание. Ему даже доверили важный пост — председателя научно-технического комитета Народного комиссариата путей сообщения. На впечатлительную и религиозную девушку гнетущее впечатление произвел показательный суд над митрополитом Венямином Петроградским, устроенный в 1921 году. Особенно ее поразило предательство известного проповедника о. Александра Введенского, бывшего, к тому же, духовником На-

Музыка в изгнании. Наталия Правосудович, ученица Шенберга

талии. На суде о. Александр выступил с обвинениями в адрес владыки, и тот был расстрелян (ныне причислен к лику мучеников Русской Православной Церкви).

Наталия уехала из СССР за год до гибели отца в Архипелаге ГУЛАГ, который в его случае был архипелагом реальным — Соловецким. В 1928 году она оказалась в Берлине в качестве студентки Прусской Академии искусств. Ей явно везло на учителей: на сей раз ее maestro стал один из величайших новаторов XX века Арнольд Шенберг. Сохранилось письмо к нему Глазунова:

"Уважаемый профессор! Позвольте порекомендовать Вам как ученицу фрейлейн Наталию Правосудович, закончившую учебу в Ленинградской консерватории по классу теории и композиции. Она обладает явным музыкальным талантом, много занималась и в последнее время делала большие успехи."

Александр Глазунов, ректор Государственной консерватории Ленинграда, член Прусской академии Искусств.

Про Зингер, Париж".

И сама Наталия обратилась (26 октября 1928 года) к немецкому корифею:

"Многоуважаемый профессор, данным письмом прошу Вас о личной беседе. Закончив курс по композиции в Ленинградской консерватории, я намереваюсь совершенствоваться в этой области. Очень надеюсь продолжить свое образование у Вас лично. В ожидании Вашего ценнейшего ответа, с огромным уважением, Наталья Правосудович."

Арнольд Шенберг любезно ответил, что может принять ее на летний семестр следующего года, и Наталия осталась за границей — навсегда.

Вероятно, сначала девушка считала свое пребывание в Европе временным, но после смерти матери и расстрела отца стало

ясно, что обратного пути нет. В Ленинграде остался брат, погибший затем в годы блокады, и сестра, ставшая известной художницей, особенно много работавшей в технике офорта и литографии. Вступив в Союз художников, она вместе с коллегами основала Графическую лабораторию. Но художественный язык лирического реализма считался опасным: достаточно вспомнить известную статью "О художниках-пачкунах" в газете "Правда" (1936), обвинявшую мастеров круга Татьяны Правосудович в формализме и вредительстве.

Иначе сложилась судьба Наталии. Берлинские годы оказались сами счастливыми в ее жизни (от девушки долгое время скрывали, что ее отец казнен). Наталию окружали блестящие юные музыканты, ученики Шенберга: грек Н. Скалкоттас, немцы П. Шахт и Н. фон Хамменгейм и швейцарец А. Келлер. Перед самым началом занятий Правосудович представила maestro свои композиции: Sonatina, Sonata per

Музыка в изгнании. Наталия Правосудович, ученица Шенберга

pianoforte, сочиненные еще в России, и струнный квартет, сочиненный уже в Берлине. Шенбергу понравились ее "русские" произведения, в то время как квартет он предложил серьезно доработать (что Правосудович и сделала). С бытовой точки зрения жизнь ученицы была тяжела: ради существования ей приходилось брать за любую работу, и она трудилась переписчиком нот, сиделкой, звукооператором в кино. Кроме того, Наталия серьезно болела и, конечно, переживала за близких, оставшихся на родине.

На рубеже 1930-1931 годов Наталье удалось войти в ритм напряженных занятий. Ученики иногда собирались на дому у учителя, владевшего двумя превосходными роялями. Они играли друг другу свои сочинения; Шенберг комментировал. Из архива Правосудович можно узнать о ее концертах той поры: в 1929 и 1930 годах она выступала в Берлине, в 1931 году — в Гамбурге, на Третьем фестивале женщин-композиторов.

В мае 1931 года друзьям удалось устроить ее в так называемый Бородинский дом. В Берлине она уже не вернулась, поселившись навсегда в Мерано. Она продолжала творить и радикально перделала квартет для камерного оркестра, который Шенберг считал ей как дипломную работу.

Трагическая смерть отца, вне сомнения, вызвала тяжелую травму в душе Наталии. Впоследствии она рассказывала, что ночами ее мучили кошмары, призраки из прошлого. Она не перестала думать о своем отечестве, ее чувства раздваивались: с одной стороны, она считала себя спасенной, с другой — ее мучила, как и многих других, ответственность за судьбу оставленной родины. Некоторое время спутником жизни Наталии был другой эмигрант из России, Сергей Крафт. В 1943 году Сергей скончался еще совсем молодым. Правосудович осталась навсегда верна его памяти.

Много внимания и сил она отдавала запутанной судьбе Рус-

ского дома в Мерано. Это учреждение возникло в конце XIX века благодаря наследству московской купчихи Надежды Бородинной, лечившейся в Альпах и оставившей крупную сумму для строительства здесь санатория, предназначенного для больных туберкулезом. До начала Первой мировой войны пансионат жил размеренной жизнью: ранней осенью сюда съезжались курортники, остававшиеся затем на весь зимний сезон. Из Петербурга приезжали монахи Александр-Невской лавры, окормлявшие небольшую колонию. Кроме приезжих курортников, в Мерано постоянно жила небольшая группа русских врачей. В конце 1910-х годов все связи с Россией были разорваны, и вместо курортников тут осели эмигранты — весьма немногочисленные. В их число вошла и Правосудович.

На "Вилле Бородинной" она продолжала интенсивно творить. С Россией какое-либо сообщение было невозможным, и Наталия старалась не терять связи с немецкими музыкантами, в первую очередь с Шенбергом. Помимо Скалкоттаса, она переписывалась с Петером Шахтом. Сохранилось его письмо от 25 марта 1933 года, где он сообщает, что учитель "следит за ее творчеством и находит его все более зрелым". Новые произведения Правосудович

иногда исполнялись в Германии, однако с приходом к власти нацистов Шенберг был вынужден покинуть родину, а додекафония и все с нею связанное было объявлено искусством "дегенеративным".

От меранского периода жизни композитора остался ряд документов, отложившихся в фонде Бородинной. Из них следует, что дирекция фонда, ставшая к 1920-м годам преимущественно итальянской, безвозмездно выделила эмигрантке одну комнату в бывшем пансионате, а также ежемесячное пособие в сто лир, из которого Правосудович должна была оплачивать свое питание. В отчаянных письмах она не раз обращалась к секретарю фонда (в тот период Луиджи Граната), умоляя повысить пособие, которого не хватало даже на еду. Сохранился и другой любопытный документ, "Протокол собрания от 5 октября 1937 года касательно пособия синьорине Правосудович Наталии": председатель собрания Джузеппе Альфано "напомнил присутствующим, что проситель пособия является большевистским гражданином, что вступает в противоречие с целями фонда Бородинной, указанными в статусе". К счастью, другой эмигрант, священник Иоанн Куракин, настоятель домового храма св. Николая Чудотворца, призвал собравшихся к милосердию и предложил дать Правосудович время для получения иного паспорта.

С началом Второй мировой войны композитор, как и многие, встретилась с целым рядом лишений. На первом этапе войны ей как "иностранке" грозила депортация из Тироля. В конце войны, напротив, ей угрожала насильственная "репатриация", проводимая органами СМЕРШа в сотрудничестве с союзниками. На целых 17 лет, с 1942 по 1959 год, ей пришлось прервать композиторскую деятельность и заниматься преподаванием языков, шитьем — всем, что могло приносить хоть какой-то доход.

В конце 1950-х годов Правосудович вернулась к сочинению. 1962 год стал для нее счастли-

вым: она получила первую премию на международном конкурсе в Аргентине за Фортепианную сонату, ор. 13.

В местной хронике той поры нередко встречается ее имя как автора сочинений, исполнившихся Меранским оркестром во время курортных сезонов. Например, 11 сентября 1959 года прозвучало Интермеццо для оркестра (дирижировал Альберто Джакометти); 11 октября пианист Макс Плонер исполнил "Suite per pianoforte, Preludio, canzone e danza grottesca — Notturno Scherzo finale"; у дирижера-скотландца опять стоял Джакометти. В марте 1967 года, по случаю Страстной Пятницы, те же Плонер и Джакометти сыграли Вторую сюиту, повторенную 13 октября с большим успехом — после долгой овуации композитора вызвали на сцену. 4 марта 1967 года в курзале Бад-Райхенхолла прошла премьера Третьей симфонии "Concertante", ор. 41, сочиненной в 1961 году. Дирижировал Вильгельм Барт, с которым Правосудович познакомилась ранее, во время его гастролей в Мерано.

Творческие отношения с Бартом развивались и далее: 6 марта 1974 года maestro представил в Бад-Райхенхолле Сюиту для фортепиано и оркестра, ор. 32; солировал юный тогда пианист Андреа Бимбаче. Именно в тот период Правосудович познакомилась с итальянским композитором Луиджи Даллапиколо. Она рассказала ему о занятиях с Шенбергом и сыграла некоторые пьесы учителя. Даллапиколо уприсил Наталию показать ее собственные композиции и, познакомившись с Виолончельной сонатой, высоко ее оценил.

Зрение Правосудович к старости сильно ухудшилось, и ей пришлось значительно сократить композиторскую деятельность, но сочинять музыку она продолжала и в 1970-х годах. Она принимала особенно близко к сердцу печальную судьбу Русского дома, в особенности его церковного имущества. После более сорока лет пребывания на вилле Бородинной, овеянной исконным русским присутствием, ей, как и другим членам колонии, пришлось переехать в новый небольшой дом. Здесь, в полном одиночестве, и прошли ее самые последние годы...

По воспоминаниям знавших ее, Правосудович была очень набожной; она поддерживала связи с видными иерархами в изгнании, например, с архиепископом Иоанном Сан-Франциском, в миру князем Димитрием Алексеевичем Шаховским, побывавшем в Мерано в конце 1930-х годов. Особенное почитание она питала к таланту и общественной деятельности Александра Солженицына. Когда писатель-изгнанник, обосновавшийся в Америке, стал собирать материалы о русской эмиграции, она одной из первых откликнулась и послала ему свои мемуарные заметки, партитуры и записи. Впоследствии Солженицын привез их, в составе всего своего архива, в Москву, где они ныне хранятся в фонде "Русское Зарубежье". Произошло именно так, как она писала в письме к Солженицыну, выражая мечту о том, чтобы ее "музыкальные сочинения сохранились были бы для передачи в освобожденную нашу несчастную родину".

Наталия Правосудович скончалась в Мерано 2 сентября 1988 года и погребена там же на лютеранском кладбище, где обычно находили последний приют жители альпийского Русского дома. Ее архив передан в фонд Шенберга Берлинского (бывшей Прусской) Академии художеств.

Бьянка Марабини Цёггелер, Михаил Талалай (Италия)